

ЧУВСТВА НА ТОЙ СТОРОНЕ

18+

Ати Майлик

Чувства на той стороне

«Автор»

2026

Майлик А.

Чувства на той стороне / А. Майлик — «Автор», 2026

«Открывай кассу, или я снесу тебе голову!» Обычная ночная смена Миры закончилась выстрелом в грудь но настоящий кошмар начался в больнице, когда её похитил суровый Генерал-дракон. Теперь она — его «Алмена», пешка в чужой войне и цель для безумного мага. Сможет ли ледяной ящер растопить сердце той, что заперта в темноте? В тексте вас ждут: Упрямая и циничная героиня Мрачные тайны и смертельные проклятия Жестокий план во имя чувств

© Майлик А., 2026

© Автор, 2026

Ати Майлик

Чувства на той стороне

Глава 1: Ночная смена

— Открывай кассу, живо! Или я снесу тебе половину твоей чёртовой головы прямо на эту блестящую стойку!

Голос, прорезавший тишину засыпающего придорожного кафе, не просто оглушил меня — он прошёлся по нервам мерзким дребезжанием. Я даже не успела толком выпрямиться. Я стояла у хромированной стойки, стискивая в затёкших пальцах тяжёлую, пропитанную въедливой хлоркой швабру, и с остервенением вытирала липкое, полузасохшее пятно от дешёвого вишнёвого сиропа. Внезапный грохот выбитой пластиковой двери и холодный сквозняк, ворвавшийся с шоссе вместе с тошнотворным запахом бензина, перегретой резины и сырой грязи, мгновенно заставили моё сердце совершить дикий, болезненный кувырок где-то в районе горла.

— Эй, ты что, оглохла?! — Второй грабитель, повыше и сутулее, в ободранной куртке из дешевого кожаменителя, заскочил следом. Его лица не было видно за грязно-серой балаклавой, но выкаченные, налитые кровью глаза хаотично метались по помещению, впитывая каждую деталь: тусклый свет неоновых вывесок, висящее над моей головой меню и мою одинокую фигуру в полинявшем, заляпанном фартуке. — Овин, заткнись, не ори! Делай всё быстро!

Я медленно... очень плавно... подняла ладони на уровень груди. Чувствовала себя последней идиоткой с этой шваброй наперевес, но мозг панически цеплялся за инстинкты самосохранения. Капли грязной воды с поролоновой губки с тихим, невыносимо отчётливым звуком падали на вычищенный мною же до блеска кафель.

Кап кап кап...

Мои рыжеватые, вечно непослушные волосы снова выбились из тугого узла на затылке и липли к вискам. Тридцать лет, куча неоплаченных счетов за съёмную конуру, свалившаяся на плечи смена за заболевшую напарницу, а теперь ещё эти два законченных психа. Ну за что мне всё это?!

— Ребята, тише, — мой голос прозвучал удивляюще ровно, хотя внутри всё сжалось в ледяной, жёсткий комок. Годы работы с самым разномастным мусором на этой заправке научили меня. Главное не показывать этим призракам с уличных обочин свой страх. Они питаются чужой паникой. — Не нужно кричать. Касса заперта на ключ, а ключ у владельца. Я просто уборщица и официантка. Я мою полы. Смотрите, у меня в руках только швабра.

— Не ври мне! — Первый, тот, которого называли Овином, сделал шальной, дерганный шаг вперед. Чёрное, круглое жерло пистолета вздрогнуло в его руке, уставившись прямо мне в переносицу. Боже, как от него разило... Смесь перегара, дешёвых сигарет и того особого, липкого пота, который выделяет смертельно напуганная тварь, готовая сорваться в пропасть. — У вас у всех есть ключ под кассовым аппаратом! Я сам видел, как тот жирный боров туда лазит! Открывай, или я превращу твои мозги в украшение для этих чёртовых витрин!

Я сжала зубы так, что эмаль затрещала, ощущая, как по спине между лопаток катится холодная, отвратительная капля. Мой взгляд на долю секунды метнулся к углу стойки. Там, прямо под деревянным выступом, на уровне моего бедра, находилась маленькая, едва заметная красная кнопка экстренного вызова. Расстояние — меньше полуметра. Одно движение. Но между мной и этой кнопкой стоял взведённый курок в руках паникующего психопата.

— Хорошо. Хорошо, успокойся, — я сделала плавный, почти грациозный шаг вбок, делая вид, что полностью подчиняюсь. Ткань моего форменного платья тихо зашуршала о деревян-

ную панель стойки. — Я сейчас подойду к кассе. Только не дёргайся. В кассе от силы на чашку кофе. Это не стоит того, чтобы садиться на всю жизнь, парень.

— Закрой пасть! Разговаривает она ещё! — взвизгнул Овин. Его пальцы на рукоятке нервно, судорожно сжались. — Пошевеливайся!

— Овин, она что-то мутит, смотри на её руки! — гаркнул второй, увидевши, как моя правая рука слишком медленно и неестественно опускается вдоль фартука.

— Что?! Ах ты дрянь!

Всё произошло за какое-то мгновение. Я резко подалась корпусом влево, вытягивая пальцы и с силой вбивая подушечку указательного пальца в заветный пластиковый кругляк под стойкой. И в ту же секунду сухой, оглушительный щелчок разрядил атмосферу кафе, превращая её в настоящий ад.

Бум!

Звук выстрела в замкнутом пространстве отозвался дикой, оглушающей болью в ушных перепонках. Меня не просто ударило — меня буквально отбросило назад мощной, невидимой силой. Ощущение было таким, будто в моё левое плечо со всего размаха вбили раскаленный добела, зубчатый лом. Воздух мгновенно вырвался из лёгких с рваным, хриплым стоном, обжёгшим горло. Спина с треском врезалась в стеллаж с пакетами чипсов и шоколадками, и я тяжело, мешком рухнула на пол, увлекая за собой металлическую подставку.

— Ты что сделал, идиот?! Ты в неё выстрелил! — заорал второй грабитель, его голос сорвался на девчоночий фальцет.

— Я не хотел! Она дёрнулась! Чёрт, чёрт, бежим!

Дрожащий топот тяжёлых ботинок по кафелю, звон разбитого стекла при попытке выскочить на улицу, рёв заведенного где-то на парковке старого мотора — все эти звуки доносились до меня будто сквозь толщу глубокой, тёмной воды.

Я лежала на боку, судорожно, рывками глотая воздух. Каждое дыхание, каждое микроскопическое движение грудной клетки отзывалось в левом плече нечеловеческой, разрывающей болью. Сильный, тошнотворный металлический запах свежей крови мгновенно перебил химический аромат хлорки. Я преодолела судорогу и взглянула на своё плечо: тёмно-зелёная ткань фартука на глазах намокала, превращаясь в чёрную, липкую массу, а из раны толчками вытекала алая, густая жидкость, растекаясь по полу и смешиваясь с грязной водой из моего ведра.

— Ай... как же... больно... — прошипела я сквозь сжатые зубы. Лицо заливал холодный, липкий пот, пробила мелкая дрожь. Зрение затуманилось, границы предметов поплыли. Хромированные ножки барных стульев превратились в призрачные, расплывчатые серебряные столбы.

Через пять минут — или через целый час, я уже совершенно потеряла счёт времени — снаружи завывали сирены. Красно-синие всполохи мигалок разрезали тьму за окном, превращая помещение кафе в безумный, тошнотворный калейдоскоп света и теней. Тяжёлые двери снова распахнулись.

— Здесь раненая! Вызывайте вторую бригаду, живо! Сохраняет сознание!

И тут, сквозь суету полицейских и заскочивших с носилками медиков, в кафе вальяжно, почти не спеша, вошёл мой благодетель — мистер Гордон. Высокий, оплывший жиром мужчина лет пятидесяти в измятом костюме, от которого вечно разило дешёвым парфюмом и мятыми леденцами. На его холёном, заплывшем лице не было ни капли сочувствия — только безграничное, высокомерное раздражение.

— Оборот кассы проверьте! — перебивая санитаров, рявкнул Гордон, брезгливо переступая через лужу моей крови и грязной воды. — Мира! Ты код от сейфа им не назвала?! Из-за твоей неуклюжести мне теперь менять стеклянную дверь и отмывать этот гадюшник! Ты хоть представляешь, во сколько мне обойдется простой заправки?!

Я приоткрыла один глаз. Несмотря на адскую боль, которая прожигала тело насквозь, в моей душе на секунду вспыхнул спасительный, чистый огонь злости. В этот момент мне хотелось только одного — встать, пересилить боль и врезать этой туше окровавленной шваброй прямоком по лоснящейся физиономии.

— Гордон... — выдохнула я, и каждое слово давалось с трудом, прорываясь сквозь зубы. — Пошёл... ты... в жопу...

— Что?! Да как ты смеешь, никчёмная!.. — возопил он, но санитар резко отпихнул его плечом.

— Мужчина, отодвиньтесь! У неё проникающее огнестрельное ранение, сыпите тут своими бактериями! На счёт три — поднимаем! Раз, два, три!

Вспышка боли при переносе на носилки была настолько дикой, ослепляющей и всепоглощающей, что я с огромным облегчением провалилась в тёмную, спасительную бездну.

Я очнулась от мерного, монотонного звука: пип... пип... пип...

Пахло спиртом, лекарствами и той специфической, сухой стерильностью, которая бывает только в больничных палатах. Свет ослепительно белых ламп резал глаза даже сквозь закрытые веки. Медленно, преодолевая дикое сопротивление налитых свинцом век, я огляделась.

Я лежала на узкой койке. Левое плечо и часть груди были туго забинтованы плотной, белоснежной тканью, из-за которой невозможно было даже шевельнуться. Боль всё ещё присутствовала — тупая, тяжело пульсирующая, будто под кожу зашили тяжёлый, раскалённый булыжник, но она уже не накрывала той разрывающей волной, как в кафе.

Рядом с койкой сидел молодой врач в светло-голубом хирургическом костюме. Он что-то отмечал в планшете, но, заметив моё движение, поднял взгляд.

— Очнулись? Отлично, — доктор улыбнулся мягкой, профессионально-успокаивающей улыбкой. — Не пытайтесь двигать левой рукой, мисс Арвинат.

— Я... я жива? — голосом, похожим на шорох сухой листвы, спросила я. Горло пересохло так, словно я заглатывала мелкий песок.

— Более чем, — врач отложил планшет и посветил мне в зрачки маленьким фонариком. — Должен сказать, вы родились в рубашке. Пуля калибра девять миллиметров прошла навылет. Не задела ни артерию, ни кость, ни лёгкое. Чистое ранение мягких тканей. Мы промыли рану, зашили выходы, ввели антибиотики и обезболивающее. Пара недель покоя, регулярные перевязки — и останется только аккуратный шрам, которым сможете хвастаться в барах.

Я с глубочайшим облегчением откинула голову на жёсткую больничную подушку. Слава богу. Жива. Хотя бы одна хорошая новость за этот сумасшедший вечер.

— Спасибо, доктор... — тихо шепнула я.

— Отдыхайте. Я найду к вам утром, — врач поднялся и вышел из палаты, мягко прикрыв за собой пластиковую дверь.

Я осталась одна. Смотрела на белый потолок, слушая, как за окном шумит ночной дождь. Мысли панически метались. За аренду квартиры платить через три дня, Гордон явно уволит меня без выплаты, на лекарства уйдут самые последние сбережения... Что делать дальше? Как выкручиваться из этой финансовой пропасти?

Спустя полчаса бесшумно отворилась дверь палаты. На пороге появилась пожилая медсестра в чепчике и с подносом, на котором стоял стакан воды. Она с такой жалостью и поистине материнской теплотой посмотрела на меня, измученную и бледную...

— Как себя чувствуешь, милочка? — мягко спросила женщина, подсаживаясь ближе и помогая мне сделать пару спасительных глотков.

— Получше... спасибо, — ответила я, чувствуя, как прохладная влага прогоняет липкую сухость из горла. — Уже не так горит.

Медсестра поправила мне одеяло, а затем слегка наклонилась и произнесла загадочным, пониженным тоном:

— Ты держись, дорогая. Тут к тебе пришли... Представляешь, в такой час! И вид у него... Боже мой, я за столько лет работы таких джентльменов не видела. Спросил твоё имя. Пропустить?

Мои брови нахмурились. Сердце снова непроизвольно ухнуло куда-то вниз. Кто мог прийти ко мне в два часа ночи? У меня же нет ни богатых родственников, ни близких друзей, способных примчаться по первому звонку. Полиция? Вряд ли в это время. Гордон? Этот скупердай сейчас скорее подсчитывает убытки и проклинаят меня.

— Кто там?.. — с невольной тревогой в голосе спросила я.

Медсестра лишь загадочно улыбнулась и отступила к двери, высвобождая проход.